

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

КАЗУС
ИНЖЕНЕРА
ГУСЕВА

Часть сборника: Петербургский детектив

Валерия Вербинина

Казус инженера Гусева

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41684165
Петербургский детектив: Эксмо; Москва; 2019*

Аннотация

«Инженер Гусев вернулся домой из командировки. Это могло бы стать началом какого-нибудь анекдота, но в действительности сделалось первым звеном в цепи совершенно невероятных происшествий.

Имя инженер носил самое обыкновенное – Сергей Михайлович, но супруга, крутобокая Татьяна Андреевна, в кругу семьи упорно звала его Сержем. Возможно, ей не давала покоя мысль, что, если бы не подвернувшийся на ее жизненном пути Сергей Михайлович, она бы могла выйти за какого-нибудь Нила Галактионовича, а то и Людвиг Иеронимовича. Однако, кроме Гусева, других претендентов на руку, сердце и прочие достоинства Татьяны Андреевны не нашлось, даром что она происходила из старинной, хоть и порядком обедневшей дворянской семьи...»

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валерия Вербинина

Казус инженера Гусева

1

Инженер Гусев вернулся домой из командировки. Это могло бы стать началом какого-нибудь анекдота, но в действительности сделалось первым звеном в цепи совершенно невероятных происшествий.

Имя инженер носил самое обыкновенное – Сергей Михайлович, но супруга, крутобокая Татьяна Андреевна, в кругу семьи упорно звала его Сержем. Возможно, ей не давала покоя мысль, что, если бы не подвернувшийся на ее жизненном пути Сергей Михайлович, она бы могла выйти за какого-нибудь Нила Галактионовича, а то и Людвиг Иеронимовича. Однако, кроме Гусева, других претендентов на руку, сердце и прочие достоинства Татьяны Андреевны не нашлось, даром что она происходила из старинной, хоть и порядком обедневшей дворянской семьи.

Впрочем, после приснопамятного 1917 года, который разродился двумя революциями сразу, с предками Татьяны Андреевны стали твориться удивительные вещи. Прежде они – по крайней мере, в рассказах потомков – лихо куролесили, были на дружеской ноге с генералами, министрами и даже

некоторыми великими князьями, а на кого-то из них даже написал эпиграмму наше все Александр Сергеевич Пушкин. Правда, в самой эпиграмме лицо, которому она была обязана своим появлением на свет, напрямую названо не было, и еще в конце мирного и благополучного девятнадцатого века на честь оказаться объектом пушкинской сатиры претендовали аж 126 человек. Конечно, сама Татьяна Андреевна, когда при ней заходила речь об этом предмете, твердо давала понять, что только ее предок и заслуживал эпиграммы, а все остальные – жалкие самозванцы, жаждущие примазаться к славе великого поэта. Но тут настал февраль 1917-го, и времена, прямо скажем, наступили самые непоэтические. На всякий случай Татьяна Андреевна сняла со стены портрет строгого прадедушки с орденской лентой и розовощекой прапрабабушки в пудренном парике, про которую говорили, что у нее была связь то ли с государем, то ли с его камердинером. Увы, полумеры не помогли, потому что вскоре грянул Октябрь.

После него с предками Татьяны Андреевны стали происходить и вовсе пугающие метаморфозы. Прежде всего выяснилось, что никаких дворянских корней у нее не имеется, а отец ее и мать происходят из мещан, как и их родители, и родители последних. Никакую эпиграмму на предка Татьяны Андреевны Пушкин не сочинял, все это враки, семейные легенды. Выколотив из своей родословной дворянскую пыль, Татьяна Андреевна решила, что одних мещан

недостаточно, и недрогнувшей рукой вписала туда крестьянина Псковской губернии, впрочем, получившего кое-какое образование. За первым крестьянином повалили толпы других из всевозможных губерний. Они совершенно вытеснили робких мещан и вольготно расселись на ветвях родословного дерева, болтая ногами в лаптях. Когда большевики выдавили из Крыма остатки белой армии Врангеля, Татьяна Андреевна покорилась зову времени и стала утверждать, что по отцовской линии у нее в роду сплошь крестьяне, а по материнской исключительно пролетарии. Когда кто-нибудь из ее знакомых имел неосторожность напомнить ей о том, как она раньше с упоением рассказывала о прапрадедушке, проигравшем в карты две усадьбы, и о бабушке, танцевавшей на балу котильон с предводителем дворянства, в серых глазах Татьяны Андреевны зажигались золотые звезды, и она сквозь зубы давала понять, что собеседник ошибся. У крестьян не бывает усадеб, а пролетарки не танцуют котильон. Портреты, снятые со стен, Татьяна Андреевна вручила своему брату Николаю с наказом немедленно от них избавиться. Николай, в кругу близких более известный как Кока, исполнил поручение со свойственным ему усердием. Сестре он сообщил, что сжег картины в печке, а рамы пустил на дрова. На самом же деле он поставил на одном полотне подпись «Боровиковский», на другом – «Брюллов» и с выгодой сбыл их с рук.

Справедливости ради стоит сказать, что жена инженера

Гусева была не одинока в своем порыве приблизиться к народу, и многие граждане аккуратно с 1917-го года начали вносить коррективы в свои родословные. Сам инженер на этот счет ни капли не беспокоился. У него имелся свой собственный, неподдельный дед из крестьян, который сколотил кое-какие деньги и отправил сыновей учиться в гимназию, а затем продолжать образование в университете. Мать инженера происходила из купеческой семьи, но умерла еще до революции, и инженер Гусев ограничился тем, что никогда о ее происхождении не упоминал.

Когда-то, еще при царях, Сергей Михайлович слыл среди своих знакомых мягким, приятным и безобидным человеком. Некоторые окружающие, признающие только яркие краски и не различающие полутонов, и вовсе утверждали, что инженер Гусев – ходячая манная каша в галстук. Даже внешность у него была какая-то неопределенная: по высокому росту чувствовалось, что природа собиралась создать атлета, но бросила дело на полдороге и вдобавок зачем-то прилепила инженеру округлое брюшко. Волосы у него были светло-русые и довольно редкие, глаза – серые, хотя некоторые дамы вольны были считать их голубыми. На носу, не сказать чтобы длинном, но и не так чтобы коротком, сидело старомодное пенсне в стальной оправе. Он носил усы и бородку клинышком, которые придавали ему солидный вид – носил при советской власти, носил при царях и, буде это зависело от него, носил бы и в колыбели. Инженер Гусев всегда оде-

вался корректнейшим образом и со всеми разговаривал на «вы». Одним словом, все неопровержимо указывало на то, что такому человеку при советском режиме не светило ничего хорошего. Знакомые вздохнули и, не сговариваясь, про себя записали Сергея Михайловича в будущие жертвы. Они решили, что он пропадет, ибо эпоха, шедшая стальной поступью, неминуемо раздавит его, и занялись своими делами.

А эпоха действительно выпала суровая. Перебои со снабжением, большевики, которые раньше казались карикатурными революционерами из журнальчика «Сатирикон», а на деле вдруг оказались грозной силой, декреты, декреты, декреты, Ленин, Троцкий, уплотнения... Обыватель был готов снести Ленина, Троцкого и кого угодно, но слово «уплотнение» вселяло в него ужас. Он ничего не имел против народа, лишь бы тот находился на безопасном расстоянии, а когда представители этого народа отжимают у тебя комнаты, вселяются в твою квартиру, пользуются твоим унитазом и вообще ведут себя как равноправные с тобой хозяева – тут поневоле вспомнишь добрые старые времена. Те самые, когда на веранде дачи в Парголово ты вел разговоры о свободе с ретроградом-поручиком, и закат пламенел, и по небу тянулся журавлиный клин, и все были живы и здоровы, и никто не умирал от тифа, и жизнь казалась стабильной и благополучной, как никогда...

Да! Ушла та эпоха, сгорела дача, и в живых осталось менее половины тогдашних гостей, а поручик, если его не убили

в бою, теперь, наверное, служит в Париже шофером такси, если ему повезло. Не любит Россия побежденных!

Как-то в Петрограде возле Крюкова канала столкнулись двое граждан, порядочно обносившихся, но с явными чертами бывших буржуев. Слово за слово, номер первый стал выяснять у номера второго, что слышно и как поживает их бедный друг Гусев – а может быть, уже не поживает вовсе, а, так сказать, присоединился к большинству.

– Ах, вы не поверите, – с чувством отвечал номер второй. – Вы просто не поверите!

Если коротко, то тишайший Сергей Михайлович не захотел выполнять свою роль и становиться жертвой эпохи. Он развил бурную деятельность, чтобы обвести судьбу вокруг пальца. Супругу свою, которая в жизни не работала и пяти минут, пристроил в хлебный магазин, сына Митеньку – мечтательного лодыря, постоянно влипавшего во всякие истории, – научил всеми возможными и невозможными способами добывать дрова, а сам засучил рукава и стал биться за квадратные аршины в своей квартире. Инженер Гусев считал, что советская власть очень даже зря решила, будто каждому человеку полагается шестнадцать аршин, и ни вершком больше. По мысли Сергея Михайловича, человеку не повредил бы и весь земной шар, а ему лично вполне хватает и его собственной квартиры в шесть комнат, не считая чулана. Пока другие квартировладельцы, ошавев от ужаса, пачками выписывали к себе из провинции племянниц и племянни-

ков, чтобы прописать их и избавиться от нашествия товарищей в коже, охочих до проверок чужого метража, инженер Гусев поступил куда умнее. Он вызвал к себе двух одиноких престарелых теток жены, сестру бабушки, которой было за 80, и двоюродного дядю, который был еще старше нее. Распихав их по комнатам, Сергей Михайлович понял, что к аршинам все еще могут придраться, и призвал на помощь жениного брата. Кока перебрался к ним, в то время как в его собственной квартире двумя этажами выше приятель-художник соорудил студию, не подлежащую обмеру, и запаса охранной бумажкой с таким количеством печатей и подписей, что ее впору было вешать в музей. Теперь, когда товарищи в кожаных куртках являлись к инженеру для проверок, их глазам представала картина перенаселенной квартиры, в которой никак, ну никак нельзя было выгрызть кусочек. Татьяна Андреевна семенила рядом с проверяющими, конфузливо улыбалась и шепотом объясняла самым придирчивым товарищам, что у двоюродного дяди временами бывает легкое помутнение рассудка, и тогда он гоняется за остальными жильцами с топором. Товарищи обычно не уточняли, чем занимается дядя в периоды тяжелого помутнения, и быстренько ретировались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.